

Судьба поцеловала его

Мой отец был штурманом морской авиации, и мне посчастливилось видеть прославленных героев-лётчиков, с которыми он был хорошо знаком по службе. Хочу рассказать о некоторых из них.

В Ульяновской ШВЛП работал Григорий Сергеевич Давыдов, он прожил долгую жизнь, наполненную невероятными испытаниями. Дважды он оказался связан с Ульяновском — сначала как курсант танкового училища, а потом ещё и как авиатор. В его судьбе отразилась история ушедшей эпохи.

Григорий Давыдов не знал своих родных: в ноябре 1917 года в возрасте около двух лет он оказался в доме подкидышей «Зелёный Гай» г. Харькова. С 1920 по 1930 год находился в детдоме им. Короленко. В голодный 1922 год дети вынуждены были сами добывать себе пропитание, и мальчишка научился руками ловить раков. Иногда он приносил в столовую по целому ведру раков.

После обучения в ФЗУ при заводе «Серп и молот» Григорий работал в кузнечном цехе и одновременно занимался на общеобразовательных курсах, готовился поступать в Балашовскую авиационную школу гражданской авиации. Зимой 1933 года при работах по прокладке кабеля простудился и заболел воспалением лёгких. И это в голодный год, когда умирали просто от истощения, а тут ещё болезнь серьёзная! Но он выжил, месяц с лишним пролежав во 2-й Николаевской больнице.

Григорий Сергеевич вспоминал: «Лётная комиссия меня забраковала, потому что после болезни я выглядел как дистрофик. За лето, немного окрепнув, понял, что одному выжить тяжело,

Г.С. Давыдов. Ульяновск, 1980-е

и осенью решил пойти добровольцем в Вооруженные силы СССР. Призыв делали, когда исполнится 21 год. Но добровольцем можно было идти с 19 лет. Пришлось пойти на хитрость и исправить метрику, прибавив себе два года. Начальник приёмной комиссии заметил исправление в метрике, но зачислил в полковую танковую школу в г. Харькове, на Холодной горе. Видимо, пожалел сироту. Помню, как мы изучали трофейный танк с гражданской войны. В 1934 году как успешно закончивший танковую школу был направлен в Ульяновск, на учёбу в Ульяновское краснознаменное танковое училище им. В.И. Ленина. Тут уже изучали БТ-5 и БТ-7а. Естественно, при армейском режиме повзрослел и окреп, армия дала мне много. По окончании училища в 1937 году в звание лейтенанта был направлен для прохождения службы командиром отдельного танкового полка (в составе 15-й кавалерийской Кубанской дивизии) на границу с МНР (г. Даурия). Перед выездом к месту службы женился на девушке из Ульяновска, Римме.

Полк находился в дивизии, которая была под командованием будущего маршала Рокоссовского. В полку я считался полноценным

технарём, а не кавалеристом, так как единственный окончил танковое училище. Назначили замполитом. Сам отбирал наиболее грамотных солдат и готовил из них водителей.

В гарнизонах питьевой воды не было, вернее, в колодцах вода была, но не годилась в пищу, т. к. кругом были солончаки. Воду привозили в ж/д цистернах на станцию Харанор и уже оттуда развозили по гарнизонам автомашинами. Водитель одной из таких машин, фамилию не помню, ради экзотики решил проехать не по накатанной дороге, а между сопок и посмотреть окрестности. Угодил в солончак и застрял, эти топи даже зимой не замерзали, посадил машину по самое никуда, пришлось танком вытягивать. Солдат был хороший и водитель неплохой, но вот отклонился от маршрута и поплатился, загремел по статье за вредительство. В общем, его забрал особый отдел НКВД, и его больше никто не видел.

В те годы лихолетья и работы органов НКВД я был свидетелем обезглавливания Вооружённых сил. Видел, как легендарного командива уводили с мешком на голове и связанными руками. Вызывали и меня, так сказать, на беседу. При этом не покидала мысль, что тоже пойду с мешком на голове. Задавали вопросы о происхождении, но я-то сирота. <...> В дивизии после таких бесед из командного состава почти никого не осталось, капитанам приходилось принимать полки под командование. Наш полк принял капитан Холмогорцев. Это отдельный бронетанковый полк, в шести километрах от границы. Осенью, будучи в отпуске с женой в Ульяновске, я получил телеграмму: срочно явиться в расположение полка без семьи. По дороге чего только не передумал, но пришёл к выводу, что, если бы хотели арестовать, сделали бы это и в Ульяновске. По прибытии в часть получил приказ убитым в г. Читу на лётную комиссию. Тогда военных не спрашивали, и я попал в списки по подготовке штурманов

ВВС. Набирали грамотных специалистов, кому не больше 25 лет. После прохождения комиссии я был направлен в г. Чкаловск (Оренбург) во второе лётное военное училище штурманов. Так неожиданно осуществилась моя мечта стать авиатором».

Войну Г.С. Давыдов встретил в качестве штурмана отдельной 36-й развед-корректировочной эскадрильи (самолеты Р-5) под Белой Церковью.

«Летал на разведку, на корректировку артогня, – вспоминал он. – Нередко с задания машина прилетала как решето. Что такое Р-5? Деревянный каркас перкалью обтянут. Однажды во время боя пришлось сесть на вынужденную посадку около штаба армии. Начальник штаба генерал Шевченко даёт команду вылететь снова на разведку. Я возразил, и разговор прошёл на повышенных тонах. Тогда начальнику говорю: «Садись с нами в это решето. Если не развалимся при взлёте, то полетим». Он подошёл, ударил кулаком по плоскости, и весь самолёт закачался. Он удивился и спрашивает: «А как вы вообще на ней прилетели?»»

Ситуация на фронте стремительно менялась. Вскоре эскадрилья была перебазирована на аэродром вблизи ст. Бахмач. Иногда при стремительном прорыве немцев тыловики не успевали обеспечить технику ГСМ, и они были вынуждены вставать. Так, недалеко

Г.С. Давыдов – курсант Ульяновского танкового училища. 1937

ко от Киева, в фастовских лесах, наш полк разбомбил крупную группировку фашистов, которые оставались там в ожидании подвоза топлива. Кроме бомб использовали горючую смесь «КС». Хорошая штука – немцы её здорово боялись. Герметично упакованная в стеклянных сферах, она при падении разгерметизировалась и самовозгоралась, водой не тушилась. По бокам самолёта сделаны были специальные ящики, которые открывались вручную, туда загружали эти шары, и над целью я вручную дёргал за шнур и открывал дно

ящика. Рискованно, конечно, можно самому сгореть в воздухе, не долетев до земли. А немцы потом жаловались, что русские применяют химическое оружие.

20 августа мы с командиром Николаем Цехановичем вылетели на уничтожение переправы через р. Десна. До этого летали три экипажа и не вернулись. Мы зашли на цель в 2 часа ночи с высоты 1200 метров на приглушённом моторе, малым ходом, чтобы наверняка и не промахнуться. Удачно отбомбились и уничтожили переправу. Но и самолёт получил повреждения, пришлось покинуть машину и в первый раз воспользоваться парашютом. Несмотря на темноту, приземление было удачным и запомнилось на всю жизнь. Правда, Цеханович в темноте налетел на пень и сильно ударился. Пешком дошли до своих. В этот период ведения боевых действий совершили 19 ночных вылетов».

Осенью 1942 года после переучивания на Пе-2 Григорий Давыдов попал в состав 39-го ближнебомбардировочного авиаполка на Сталинградский фронт. Как старший, он получил шестёрку новых самолётов в Казани. На промежуточном аэродроме познакомился со знаменитой лётчицей Мариной Расковой, которая возглавляла полк пикировщиков. Через несколько дней она погибла при заходе на посадку. С шестёркой новеньких Пе-2 прибыли в полк 28 декабря 1942 года и сразу получили приказ уничтожить танковую группировку на ст. Миллерово, которую перебросили для прорыва кольца, в котором оказалась армия Паулюса. Вылетели двумя звеньями.

Давыдов вспоминал: «При полёте у одной машины обнаружилась неисправность. Чтобы всех не тормозить, принял решение сбросить бомбы на первую попавшуюся цель и вернуться. Вся группа выстроилась в боевой заход. Заходим первыми на цель, всем даю команду бомбить вслед по ведущему. Внизу на станции только началась разгрузка танков. Нас встречает плотный зенитный огонь, осколки от снарядов зениток колотят по машине. Всё внимание к прицелу, сбрасываю. Ведомые по

Футбольная команда 39-го отдельного разведывательного авиаполка. Григорий Давыдов – слева от вратаря. 1946

цепочке тоже сбрасывают всю загрузку. Вижу, что бомбы попали в цель, состав разнесли в щепки. Наши машины вышли хоть и потрёпанные, но все в строю. Строимся домой, а тут «мессеры» с «фокерами». Уже ближе к линии фронта нас догоняет «Фокке-Вульф-190». У немца машина была маневреннее и вооружена пушками, а у нас только пулемёт ШКАС у стрелка-радиста и пулемёт Березина у моего штурмана в кабине. Немец подошёл снизу, сбоку. Приблизился так, что я хорошо разглядел его лошадиную морду: лицо вытянутое, конопатое, волос рыжий. Вдруг у меня заклинил пулемёт. Он дал очередь по центроплану, и самолёт вспыхнул. Командир дал команду покинуть самолёт. Я видел, как отделились радист и командир. Мой люк внизу, отбрасываю крышку и прыгаю, но зацепился воротником мехового комбинезона за болт в основании турельной остановки. Голова и плечи в кабине, а ноги болтаются. Поток воздуха срывает унты и унты. Каким-то чудом мне всё-таки удалось сдёрнуть себя с крючка. Как только машина миновала меня, обдавая огнём и дымом, дёрнул за кольцо. Спускаясь уже на парашюте, разглядел обстановку. Оказывается, самолёт дотянул до нейтральной полосы, оказав последнюю услугу. Приземлившись, я тут же понял, что по мне долбят как фрицы, так и наши. Я как заяц прыгал по сугробам босиком и без шлема, а на улице мороз под 30. Уйдя от обстрела, я выбрался к лесочку, там на меня выехал кавалерист. У него было противотанковое ружьё. Я было обрадовался, что вышел к своим, но красноармеец, не предупреждая, начал палить по мне. И опять я, как заяц, зарываясь по пояс в снег, кинулся наутёк, матеря всех на ходу и отстреливаясь, при этом старался стрелять в коня – в надежде отпугнуть животное. На моё счастье подъехал наш танк. Танкист высунулся и вразумил этого кавалериста. Тут подбежали ещё солдаты и, как ни странно, с моими унтами! Нашли! Тут я почувствовал, что силы меня покидают и ног не чувствую. Красноармейцы помогли натянуть унты и проводили до ближайшей

Григорий Давыдов с супругой Риммой.
Ульяновск. 1940

уцелевшей хаты. Там меня оставили, обессиленного, а сами пошли дальше гнать немцев. Оказывается, части Первой ударной буквально накануне выбили отсюда немцев и итальянцев, взяли ст. Гороховку, и в этот момент я приземлился. На следующее утро за мной заехали танкисты и отвезли в штаб ст. Калач, я написал докладную. Тут меня и нашёл полковой врач. От него я узнал, что с задания вернулись на аэродром только два самолёта. Один самолёт не дотянул до аэродрома, сел из-за повреждения на брюхо с раненым экипажем. Мой экипаж также спасся, но они посчитали, что я погиб, т. к. не видели, что я прыгнул. Меня срочно отправили в сортировочный госпиталь: ноги до колен почернели, из-под бинтов сочилась кровь. Оттуда переправили санитарным самолётом У-2. Так доставили в госпиталь на базе дома отдыха на реке Хопер близ села Пады.

В госпитале врачи, когда сняли повязки, ахнули: ноги совсем чёрные, с чёрно-красавыми волдырями. Встал вопрос, будет ли гангрена. Выдавший многое пожилой врач взял скальпель и буквально искромсал мои ноги, выдавливая чёрную жижу из плоти. Потом сказал: извини, сделал что смог. Лекарств не хватало, но доктор постоянно меня отпаивал ромом. Где он его брал, не знаю, но мне стало лучше, и вопрос о гангрене отпал. В конце февраля 1943-го я пошёл на по-

правку. Прибыл в свой полк в начале весны. Всю весну и лето ходил в унтах. Ноги всё время мёрзли, особенно в полётах. Как-то, моясь в полковой бане, парил ноги в тазике с горячей водой. Когда ноги напарил и вынул, то обнаружил, что с пяток отстала вся кожа и пятки стали мягкие и розовые, как у младенца».

Григорий Сергеевич прошёл до конца войны в составе своего полка. Был награждён многими орденами и медалями. Вспоминал, что 9 мая встретили в Австрии: «Не все немцы признали капитуляцию. Бомбили мы ещё до 12 мая, был дан приказ уничтожать тех, кто шёл в Альпы и в американскую зону оккупации на г. Грац. Бомбили уходящие колонны техники и живой силы. Однажды в один из таких дней погиб мой друг, штурман майор Нарыжный – уже после капитуляции фашистов. Полёты были интенсивными, машины не успевали остывать, их заправляли горючим, боекомплект – и на взлёт! При вырубивании на взлётку полностью заправленный топливом и боекомплект Пе-2 зацепил отдельно стоящий «Дуглас», набитый трофеями для отправки в Москву. Всё взлетело на воздух».

В 1946 году полк был переведён в Среднюю Азию в г. Ош. Несли службу и занимались аэрофотосъёмками местности для топографии. Летали на предельных высотах, делая аэрофотосъёмку гор Тянь-Шань и Гималаи. Облетали всё – от Китая до Пакистана. Потом перевооружались, осваивали новые самолёты. В 1959 году Григорий Сергеевич демобилизовался по состоянию здоровья. Вместе с женой переехал в Ульяновск, здесь работал в Школе высшей лётной подготовки до выхода на пенсию.

Григорий Давыдов ушёл из жизни 31 декабря 2016 года, на 101-м году.

Благодарю ульяновца Владимира Малиновского и историка авиации из Симферополя Владимира Полякова за помощь в подготовке статьи.

Владимир Гуркин,
профессор УлГТУ